

Вероника Гард

ЛЕТО В ГЕТТО

16+

Вероника Гард

Лето в гетто

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гард В.

Лето в гетто / В. Гард — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-11113-4

Жаркий июль в Кенцавском гетто. Шестнадцатилетний Исаак Розенфельд попадает в дом польской девушки Урсулы Камински, и с этого дня начинается время их странного сосуществования в одной комнате. Оба находятся под страхом разоблачения и смерти. Она из-за того, что прячет еврея. А он, потому что сам - еврей

ISBN 978-5-532-11113-4

© Гард В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Лето в гетто

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.

Фридрих Ницше

Примечание:

Гетто во время Второй мировой войны – жилая зона, созданная нацистами в период оккупации Польши, куда насильственно перемещали евреев в целях изоляции их от нееврейского населения.

Для удобства восприятия реплики персонажей, говорящих по-немецки, выделены курсивом. Устройство и порядки Кенцавского гетто является полным художественным вымыслом. Историческая достоверность не предусматривается.

Глава 1. Ворона и Маленькая Медведица

...«Это жид!»

Такой возглас Исаак Розенфельд слышал тысячу раз. И тысяча первый случился снова здесь, в Кенцавском гетто, но уже на пороге подпольной квартиры Вацлава Седого, и вылетел он изо рта какой-то некрасивой польки с изжеванными розовыми губами. Она стояла на предпоследней ступеньке и во всем возвышалась над Исааком, который тенью спускался по лестнице.

«Стой, сукин сын!» – она схватила Исаака за рукав, потащила на себя, вверх, через перила, но тот крутанулся, ударил ее по рукам и, оступившись, кубарем полетел вниз.

«Я напишу в гестапо! Вацлав, открой! Вацлав!»

Почти на четвереньках бросившись прочь с площадки, на которую упал, он заметил, что за полькой из соседней квартиры вышла безликая фигура в белой рубашке, держа что-то черное в руках, и направилась к закрытым дверям Вацлава.

Тяжелый удар кулаком: «Вацлав! Немедленно откройте!»

«Вацлав! Придумай что-нибудь! Вацлав!» – кричал Исаак в мыслях, но не оборачивался. На первом этаже, задыхаясь, он на секунду посмотрел вверх. В лестничный пролет прямо на него смотрело лицо некрасивой польки. Она еще раз выругалась, плюнула, но Исаак больше не видел ее – эти уродливые губы остались в памяти, теперь он видел только подъездную дверь, за ней – ослепительный свет «района коммунистов».

Этот район представлял собой островок Малого гетто, куда сгоняли польских коммунистов, приравнивающихся по статусу к евреям. Они не обязаны были носить красно-белые повязки, как, например, в работряде, но имели особые паспорта, отличающие их от поляков Большого гетто. В результате дезинформации и пропаганды поляки Малого гетто терпеть не могли евреев и, хотя те имели полное право находиться в «районе коммунистов», их чаще всего убивали. Из всех социальных слоев, существовавших в Кенцавском гетто, самым низшим являлся еврейский работряд, далее обычные евреи без паспортов. Затем следовал польский работряд и поляки Большого гетто. Сегодня Исаак не принадлежал ни одному из них.

подавившись страхом, он слишком нервно оглядел улицу, но, к счастью, не увидел солдат. Также нервно, почти на уровне инстинкта похлопал себя по плечу – нет ли повязки со звездой Давида. Сейчас бы она быстрее, чем обычно, прикончила его. Ее не было. Но даже если бы и была, то никто бы не обратил на нее внимания. Никто не взглянул бы и на Исаака. Вечером немецкое командование приказывало всем мужчинам явиться на площадь, и всем внезапно стало плевать на все, кроме собственной жизни. В том, что будут расстреливать, не было сомнений.

Впрочем, никто никого насильно не гнал, в газете лишь было убедительно сказано присутствовать «во избежание недоразумения». Но каждый знал, «недоразумение» кроваво.

Скоро, боясь своей тени, Исаак пошел вниз по Волчьему спуску, постоянно думая, что после всего, что Вацлав сделал для него, да и для многих поляков и евреев, убить его не могут и не имеют права: «Вацлав умный, он выберется. Он же все-таки в полиции... А эта, она... коммунистка. Я пропустил, когда евреев стали ненавидеть коммунисты? Видимо, она истеричка, и все тут. Я ей не понравился, и все тут. Разве так видно, что я еврей? Нет, не видно. Не видно», – он добавил шаг, ругая себя за трусость.

Упругий хлопок и едва слышный треск, похожий на звук расколовшегося ореха, заставил Исаака повернуться. Кто-то негромко охнул и сказал привычно: «Убился».

Это был Вацлав. Он выпрыгнул из окна четвертого этажа и упал на Волчий спуск. Вокруг него быстро начала растекаться бордовая лужа, вероятно, вытекшая из разбившейся головы, и нога была выгнута как-то неестественно... К нему не подходили, пара человек повернулись к телу и стояли недвижно.

Стихло. Июльский воздух свеж. Вдалеке слышится шелест трамвая.

Исаак поднял голову, из окна высунулась голова той фигуры в белой рубашке, посмотрела вниз, повернулась и, завидев его, крикнула: «Держите еврея! Здесь еврей!» – и выстрелила в воздух.

Этим выстрелом ознаменовалась суматоха. Все, снова разом, обернулись на Исаака, который летел вниз по Волчьему спуску. Зацепившись за угол, он круто повернул на Нижнюю улицу, где исчез. Казалось, все должны кинуться за ним, источником заразы, убить его, чтобы потом приволочь на середину площади и сжечь вместе с телами прятавшихся по квартирам евреев, как это было четырнадцатого июля. Но в который раз Исаак Розенфельд избежал смерти. За выстрелом действия не последовало, ведь ловить было уже некого, да и местная полиция не должна была устраивать погоню без повода. Все знали, что рано или поздно маленький еврей без документов погибнет. Достаточно одной проверки, чтобы получить пулю в лоб, а, что хуже, в живот, как это любили делать в последнее время солдаты и кое-кто из полицейских.

Да и зачем убивать, когда евреем он был наполовину. Даже на четверть. Мама – любимый контральто Кенцава, полька с русскими корнями. Отец – сын канонического еврея и чистокровной немки, тихий бухгалтер с порванной ногой, на которого Исаак ходил большими, несколько спущенными книзу глазами и тонким носом, загнутым у кончика.

Он не был кудрявым и жутко темноволосым. Он не верил в Единого Бога. Он не разносил заразу и не был последним среди человечества. Он даже не смог противиться пришедшей власти и покорно нес свое бремя «недочеловека» в виде повязки со шестиконечной звездой.

Зачем убивать того, кто безвреден и носит в себе гены великого голоса?

Ах, да. Розенфельд. Еврей. Не забывайте об этом.

Впрочем, Исаак и сам не любил свою фамилию, потому что даже внутренний голос у него картавил. Из-за этого неправильного, хотя не такого жуткого звука «р», он, имея достаточно красивый тенор, который хвалила даже мама, петь не любил. Ему не нравилось вести счета, как отцу, играть на сцене, как сестрам, рисовать и лечить так, как нравилось отцу лучшего друга – Костика, к слову, тоже имеющего в себе каплю еврейской крови.

Он вообще не знал, чем заняться в жизни, поэтому часто без дела слонялся с Костиком по Кенцаву в поисках чего-нибудь сносного. Еще не разделенный на Малое и Большое гетто город был безопасен, но скучен для мальчиков, мечтавших однажды сделать самолет из инвалидной коляски.

В детстве Исаак часто спрашивал себя: «А чего я хочу? О чем мечтаю?» И желания его ограничивались мелочами. А сейчас, когда несколько дней назад ему исполнилось шестнадцать, Исаак с точностью математика отмечал: «Я хочу вернуться домой, чтобы Сара и Нора были дома, а в год окончания войны, в начале июля уехать к морю. К любому морю. Двена-

дцатого сентября приехать на три недели к Костику и посмотреть на Медного всадника. Они должны его спасти».

В тридцать шестом году Костик с семьей уехал в Петербург, а с ним и последнее веселье. Единственным развлечением Исаака с тех пор стали споры и ругань с сестрами – Сарой и Норой, самой нелюбимой из которых была Сара – самая старшая. Они ненавидели друг друга с того момента, как маленький Исаак, лежа в кровати, выдрал ей клочок волос и рассмеялся, а сестра в ответ назвала его поганцем. Но теперь, когда исчезло всё и все, он бы хотел вернуть хотя бы одну из них, чтобы совсем не сойти с ума от вечного страха.

«Как же было глупо две недели жить в квартире, ничем себя не выдавая, рядом с чокнутой полячкой, а потом встретить ее именно сегодня, когда дом почти весь пустой с самого утра», – размышлял Исаак, и сердце его колотилось после бега.

По тротуару не шлось так, как до войны. Все больше копясь в себе, Исаак пытался найти уверенность, что уже никто, кроме него, не знает, что он еврей и не имеет право ходить по тротуару, как обычный поляк. Неширокий отрезок дороги словно огненный, но сходить с него нельзя – от дурных привычек избавляться надо.

«Почему она вышла именно тогда, когда вышел я? – ненавидя розовые губы польки, сокрушался Исаак. – Почему у нее в квартире немецкий солдат? Гестаповец? Хотя штаны такие дурацкие... Видимо, полицией. Зачем наводить столько шума из-за одного еврея? Хотели самолично сдать в гестапо... Так вечером и без того все квартиры прошерстят, кто кого укрывает. Смертельная фанатичность. Все же должно было быть просто. Выйти незамеченным, не попасться чертовой проверке, дойти до Опалического тракта в проулок рядом со сгоревшим домом и... дожидаться Вацлава. Я снова подвел его. Из-за меня он умер. Совпадение, совпадение и моя невезучесть», – не заметив протянутые ножки трупа девочки, Исаак запнулся об них. Девочка была совсем маленькая, лет четырех-пяти, в оборванном платье, но ему было ее жалко не больше, чем Вацлава. Посмотрев на нее несколько секунд, он только вздохнул: «Проклятое гетто!» – погладил все еще болящий бок и плюнул на дорогу.

Он шел, самоедствовал и думал, что неплохо бы сейчас занять документы на какого-нибудь польского мальчугана, но чтобы в имени не было проклятого «р». Еще что неплохо бы поесть и купить зашнурованные ботинки, которые не успел купить Вацлав.

Устало Исаак побрел на рынок.

Толкотня, хоть и не такая, как в обеденное время. Воняет.

Вдоль рядов приходилось шагать аккуратно, чтобы ничем не привлекать внимания, ведь он успел украсть кулек орехов с прилавка и яблоко. Шагов через пятнадцать его пришлось выкинуть – ужасно кислило, до оскомины на зубах. Снова заболел живот, и орехи не спасали.

Исаак постоял немного у неприятного на вид хлеба, понюхал кашу в котелке, засахаренные конфеты с белым налетом, поморщился. Он все еще оставался брезгливым и сейчас даже гордился этим, ведь считал себя человеком.

Продавали зашнурованные, немного стоптанные ботинки, а цена уходила за горизонт. Они ему были почти необходимы, ведь в нынешних бегать приходилось не так быстро – под подошву забивались камешки и раздирали кожу до крови. Исаак смотрел на свои ботинки, на те, которые продавали, и опять брезговал, представляя, как их снимают с чьих-то ног или с покойника.

– А можно сделать так: я вам пиджак и кепку, а вы мне вот их, а? – преодолевая себя, спросил Исаак.

На него посмотрели как на прокаженного: пиджак куцый, коричнево-серый в темных пятнах, о происхождении которых никто не подозревал, у кепки треснул козырек. Самыми сносными оставались рубашка без одной пуговицы и песочно-коричневые штаны в продольную светлую полоску, на тонких ногах Исаака смотревшиеся скорее смешно, чем терпимо.

– Либо деньги, либо еда, либо проваливай.

Ни того, ни другого не было и в помине. Он пошел обратно, не зная, чем занять себя и свой желудок.

Стащить лепешку не удалось – ударили по пальцам и недовольно сказали: «Она и так вся излапанная».

«Кажется, будет язва», – он поджал губы, досадливо обернулся и увидел патруль – трех полицаев с винтовками. Они просто шли вдоль рынка, курили, трогали все на прилавках и в принципе не казались опасными.

«Нет документов», – у Исаака похолодела спина, и задрожали пальцы. Он подумал, что можно сейчас отступить назад и спрятаться в галантерее, но потом вспомнил, что двери в нее заколочены. Сердце снова дрогнуло предчувствием ужасного, зависть к мертвой девочке на секунду закралось в него, но Исаак просто стоял у тех же лепешек, ни спасая, ни выдавая себя. В душе он призывал толпу полностью закрыть его, так, чтобы и тени не осталось, но она предательски становилась реже.

– Так, это ты! – тяжелая рука легла на его плечо, сильно надавив. – Сейчас я тебя живо отправлю в Терракот, щипач поганый.

От неожиданности Исаак вздрогнул и, повернувшись, увидел длинное лицо человека, у которого украл орехи. Он встрепнулся, но тот схватил его костлявыми пальцами за воротник и потянул на себя и вверх (Исаак заочно ненавидел этот жест):

– Двадцать пять злотых или вон патруль стоит.

Исаак схватился за запястья человека, но тот держал крепко:

– Да это грабеж... У меня нет столько.

Человека это разозлило, он отпустил воротник и сильно ударил его по лицу, отчего тот, дернув головой, присел. Под носом вдруг стало мокро, и во рту ощутился стойкий привкус железа.

– Что ж вы такие злые? – буркнул Исаак. – Могли бы договориться.

– Так, что у вас там? – один из полицаев, что повыше, вдруг кивнул на Исаака, вытирающего губы. – Эй, ты! Ты что там? Воруешь? А ну, подойди сюда, – он подозвал его жестом, но потом стал подходить сам.

– Да не крал я ничего! – зло крикнул Исаак, притопнув ногой, и захотел броситься наутек, но человек снова схватил его, уже зашиворот:

– Орехи стащил, а денег давать не собирается, – потрясся его, как щенка, сказал он.

– Да откуда ты знаешь?! Как ты докажешь?

– Как доказать – все уже сожрал! Но я видел, да все видели, – торговец немного повернулся и протянул свободную руку к толпе. – Ну. Скажите же. Да вон, шелуха еще на руках.

– Кто видел-то! – взвизгнул Исаак, всмотревшись в ненавидимое длинное лицо. – Не сочиняй!

– Да ты же еврей, – пристально посмотрев тому в глаза, удивился человек. Отдаленно могло показаться, что в голосе проскочила жалость. – Сбежал из работряда?

Исааку захотелось плюнуть ему в лицо.

Толпа заволновалась. Патруль подходил уже в полном составе:

– Так, не двигаться. Разберемся. Документы живо! Ты и ты.

Все пронеслось перед глазами Исаака: подъезд, полячка, пистолет в руках фигуры, мертвый Вацлав, его треснувший череп. Еще выстрел и выстрел. Снова: «Нет документов. Вацлав не успел купить»... Он уставился на высокого полицаю, который произнес эти смертельные слова и, ничего не чувствуя и не понимая от накотившего страха, вдруг увидел за его спиной отца.

«Он знает, что я не крал!» – и показал на него пальцем.

Патруль обернулся. Задержка оказалась секундной, но и ее хватило, чтобы вырваться из паучьих пальцев продавца и побежать прочь с проклятого рынка. Вслед кинулось бранное слово, но Исаак слышал только, как пульс колотится в виске: «Уже от страха глохну». Тратить

силы на то, чтобы смотреть, гонятся ли за ним, Исаак не хотел. Позади упруго бурчала толпа. Этого ему и хватало.

Бок предательски болел, охватывая весь живот. Голова холодела, становилась чумной. Он несся к сгоревшему дому на Опалическом тракте с озарением и надеждой на спасение: «По крайней мере, им будет стыдно, что они застрелили человека, который пытался найти документы. Вацлав, ты мне всегда помогал, помоги и теперь». В глубине души сидело сомнение, что документов там нет, но попробовать стоило. Его просто тянуло к сгоревшему дому.

«Всегда нужна цель».

Вот он. Дом номер тридцать восемь. Черный и опасный. Стал нежилым, когда еще в сороковом произошло первое еврейское сопротивление, которое было ярким, но неудачным. Уже через неделю всех участников ополчения расстреляли, и с того самого дня во дворе было приказано построить стену, разделяющую Большое и Малое гетто. Стена эта к лету сорок первого года разрослась как спрут и теперь каждые пятьсот метров имела на себе табличку: «Проход через стену воспрещен под угрозой расстрела». Коротко и ясно.

Исаак кинулся перед стеной на колени, ища тайник или его подобие. Стена оставалась глухой, пустой и смотрела сверху белой табличкой, будто издеваясь.

«Вацлав, пожалуйста, спрячь их здесь, – дрожащими пальцами Исаак шарил по кирпичам, около гнилых ящиков, поставленных один на другой, в каком-то мусоре. За несколько минут весь проулок перевернулся вверх дном. – Они же убьют меня. Пусть там будет хоть двадцать «р»... Где документы? Ты так бы мне помог».

До черного дома от рынка бежать не пришлось бы долго: «Они сейчас проскочат Зеленую, а там тракт и я. Застрелят меня, а потом на площадь... или закопают непонятно где», – между ящиков тоже ничего не лежало, и он вдруг в один миг отмахнулся от всего, как будто его уже расстреляли или повели в Терракот. Исаак выдохнул, закрыв глаза, подумал, что везти так долго все равно не может, и сел напротив стены, спиной к тракту. Не хотелось встречать смерть лицом, ведь умирать приходилось некрасиво.

«Мда, Вацлав, я думал, что ты погиб глупо. Вот посмеешься надо мной. Из-за орехов, из-за несуществующих документов убили. Сейчас бы в еврейское гетто кинуться, да повязки нет. Тоже застрелят. Ну смешно же? Аж бок опять заболел. Я, как оказалось, без тебя совсем не могу. Выскочил и вот – здравствуйте».

Как это обычно бывает, когда человек в момент упадка настроения ищет то, что добьет его, так и Исаак стал с искренней нежностью смотреть на черные буквы: «Проход через стену воспрещен под угрозой расстрела». Вернее, не «проход», а «ход» – «про» откололось и пропало.

«Странно, ни одного слова про евреев», – и тут на него волной нахлынуло: он видел эту табличку когда-то и подумал то же самое, взглянув на нее. Бок разболелся настолько, что Исаак не сразу поднялся на ноги. Он отошел подальше, на секунду забыв о погоне, и еще раз, точно до этого был пьяным, взглянул на дворик.

Слева – стена тридцать шестого дома, справа – стена дома ополченцев и целая гора ящиков со стертыми надписями, а посередине он, такой маленький по сравнению с кирпичной стеной. Запрет глядит черными буквами, Исаак смотрел на него снизу и под углом. Да, в тот день, когда ему пришлось опять увидеть смерть и убить человека так, как хотелось бы забыть навсегда.

– А я вам изначально говорил, что еврейский вопрос нас изматает, – услышал Исаак недовольный, стальной, но приятный голос.

«Они идут». Похожую сталь он тоже где-то слышал, и воспоминание тоже было неприятным. Но сегодня уйти от прошлого оказалось проще – у нижнего ящика, напоминающего гроб, открывалась крышка, а за ней спасительная темнота могла поглотить с головой.

«Какой же ты умный, Вацлав!»

Теперь Исаак вспомнил все. Его действительно тянуло к месту спасения. Через ящик, в который он забрался, несколько десятков неугодных поляков и евреев пробирались из Малого в Большое гетто, где благополучно и не очень срывали повязки или покупали паспорта без особой отметки. И всем руководил Вацлав Седой.

Исаак залез в ящик ногами вперед, чтобы закрыть крышкой «вход», и замер, слушая голоса. Их, как и предполагалось, было три:

– Вся эта ситуация напоминает инквизицию, – раздалось громче. «Наверное, на углу стоят». – Ну изводим мы этих жидов, ну посадили их в Малое гетто, как пауков в банку, а разве так воюют? Ребячество какое-то ей-Богу. Я не понимаю...

– А вы в точности поняли приказ, а? – озадаченно спрашивал низкий баритон. – Стрелять их сразу или вести сначала в Терракот? Ну, вот тоже... Терракот! – голос начал скрипеть и кривляться, передразнивая кого-то. – «Ибо красный он от крови...» Это же кто-то из наших написал, да? Сколько пафоса! Хотя говорили, что у евреев кровь черная. Вот любят придавать значение ерунде. А Терракот-то – обычный дом, просто из красного кирпича с гестапо внутри, а развели, как не знаю что. Так стрелять или в... Терракот этот?

– Да из-за орехов-то... Можно было вообще ничего не делать. Беспризорники теперь все так... Потому что и вправду есть нечего.

В животе под рубашкой как будто что-то треснуло и так больно. Исаак сжался насколько позволял ящик и аккуратно впился ногтями в стенки около себя, стиснув зубы, чтобы не закричать. Колючая доска под ним со скрипом провалилась вниз, и он чуть не умер от ужаса. Пыль поднялась вверх, по спине пробежал земельный холод, и боль вышла на новый уровень. Ему показалось сначала, что живот разорвался пополам не иначе, что он снова оглох от страха и ослеп, оттого что не видел через щелки крышки, как к нему вот-вот подойдут после такого страшного грохота, который слышал, наверное, весь Кенцав.

«Доска упала, что ли?» – Исаак вдруг услышал первый голос и так отчетливо, что не поверил сам. Время для него остановилось и вновь пошло после того, как третий, мало говоривший прежде, (и, скорее всего, святой) человек подогнал двух других, нетерпеливо сказав: «И никакого пацана с орехами».

Минута, две, три.

Все исчезло. Не исчезала только боль. Плохо дыша от пыли, Исаак откинул крышку и зажал нос, чтобы не начать чихать. Чихание было смерти подобно. Оно окончательно растерзало бы живот и привлекло кого-нибудь к его убежищу. Ни того, ни другого Исаак не желал, поэтому с неприятной страдальческой гримасой вылез, наконец, из ящика и обессилено сел рядом, обняв себя поперек живота.

Боль продолжала тиранить бок равномерно, но не щадяще. Через несколько минут Исаак привык и к ней. Он лишь смотрел на стену тридцать шестого дома, не моргая и ни о чем не думая. Тело, которое так нестерпимо болело, точно покинуло его, может быть, именно поэтому все казалось нестрашным и неважным. Он понял, что просидел бы так целую вечность, зная, что его не найдут и не обидят...

«Но ты в гетто, ты еврей, и ты скоро пропадешь».

Снова заболело. Он задрал рубашку и посмотрел, что же стало с несчастным боком. «Так и знал», – и глаза сами собой закатились.

Живот не разорвало, одна рана мешала всему. Неглубокая, но длинная, полученная в один из многих злосчастных дней, она не была смертельной – за две недели почти полностью зарубцевалась, но сейчас неподходяще воспалилась: «Ну давай еще нагноись, чтоб мне совсем жить незачем было. Все, набегался. Надо идти». Исаак приподнялся, собрал все силы, какие оставались, и полез обратно в ящик – в спасительный тоннельчик. На этот раз, чтобы оказаться по ту сторону стены – в Большом польском гетто на свой страх и риск.

Бледный, с надвинутой на брови кепкой, со злыми взрослыми глазами и сжатым ртом Исаак вышел на улицу Тимошевского. Впервые с тридцать девятого года. Ничего не изменилось здесь, только людей стало поменьше. Трупы не лежали на тротуарах, по которым бесстрашно ходили поляки, никто не попрошайничал. Крови нет, даже замытой – улица чистая, метеная, как будто и нет войны. Длиннющий дом не обстрелян и не черен от копоти. Единственная надпись на дверях кафе: «Евреям вход запрещен» с того незабываемого тридцать девятого года напоминает об оккупации, но и то слабо – буквы выцветшие.

От восторга у Исаака немного кружилась голова. Кенцав в его представлении уже не мог вновь стать таким солнечным и мирным. Внезапная милая грусть овладела им полностью. Это не было ностальгией в полном смысле слова, скорее обидой. Кусок города все время оставался неизменным, неубийственным, а он вернулся сюда только сейчас. Но вот он, прежний Кенцав, и Исаак Розенфельд стоят на своих худых ногах именно на его широкой улице. Никто не смотрит с презрением, хотя выглядит он исключительно плохо с засохшим мазком крови под носом. Все здесь сделано для него: ни полиция, ни офицера, ни взвода на улице, одни поляки. Истощавшие, темноволосые, с такими же большими глазами – Исаак точная копия их. Срывать нечего, а идти некуда: «Ну и пусть. Главное, говорить поменьше и в лица не пялиться. Может, что и выйдет, – он шел по улице и не мог надышаться его прелестным свободным воздухом. – Черт возьми! Ведь есть же Пеньковский!»

Надежда вновь родилась в душе, но счастье, как известно, не длится долго. Стоит только выдохнуть, как оно сразу начинает уходить, принося нехорошие чудеса. На улицу Тимошевского с ревом въехала машина и остановилась около кафе. Из кабины вышли четыре офицера, перед которыми все прохожие снимали шляпы. Исаак онемел, узнав в одном из них истинного обладателя приятно-ледяного голоса Альфреда Хольта, а во втором Ганса Гефеля.

Последний как всегда был недоволен и стремительно зашел в кафе с еще одним офицером, уже на пороге ругаясь. Хольт, поправив форму, закурил и оглянулся. Он не был таким страшным, но никто из прохожих не решался надеть шляпу до конца улицы, и это забавляло его. Исаак смотрел на Хольта во все глаза, понимая, что нужно пойти обратно или зайти незаметно в подъезд длинного дома, или отвернуться. Убраться восвояси, пока не узнали. Как маленький ребенок, который боится пауков, смотрит на них в банке и изучает каждую лапку, пытаясь заставить себя думать, что бояться в общем-то нечего, он глядел на Хольта, не двигаясь с места. Ухмыльнувшись, тот повернулся и посмотрел прямо на Исаака, который болезненно вздрогнул: «Узнал».

На самом деле, Альфред Хольт не сразу узнал Исаака. Он обратил на него внимание единственно оттого, что тот не снял кепки. Но позже пригляделся и да, узнал. Узнал и чуть не рассмеялся. Хольт думал, что самый младший из его работряда уже погиб где-то в пыли Малого гетто, и очень удивился, увидев его здесь.

Издалека виднелось, как высоко поднимается грудь перепуганного Исаака, как он тяжело дышит. Это тоже выглядело забавным. Хольт сильнее вгляделся в его лицо, затем кивнул на табличку кафе и улыбнулся, снова посмотрев на него. Дрожа, Исаак замотал головой и скрылся в прохладном мраке подъезда. Он еще долго висел на ручке двери, как будто пытался вернуть ее в проем и забаррикадироваться. Потом отпустил, не зная, куда себя деть, побежал вверх по лестнице и притаился около перил.

Из квартиры вышел мужчина интеллигентного, но очень нервного вида:

– Молодой человек, – обратился он к Исааку, отодвинув того за плечо, – вы чего тут расселись?

– Я? – побелел тот. – Мне здесь... здесь друг мой живет. Я к нему. Жду.

Не дослушав, мужчина спустился вниз, приоткрыл дверь. За ней уже стояла фигура в фуражке. Исаак, не долго думая, понял, что это Хольт: «Да когда это закончится?» Не отдышавшись, он резко соскочил с места, замешкался: «Он знает, где я. И мог увидеть». Еще выше

подниматься нет смысла, вниз нельзя. Исаак обернулся и увидел, что мужчина, который пошел навстречу Хольту, не закрыл за собой квартиру. Мимолетная удача.

«Так, это второй этаж. Не убиться, зато можно слезть». Он не стал также закрывать дверь, ловко пролез в оставленную щель и оказался в пустом коридорчике. Негромко играл первый венгерский танец Брамса.

– Ты уже пришел, милый? Так быстро. Ничего не случилось?.. Урши, солнышко, – это говорилось потише, – ты уже достала шторы?

Мучительно вспоминался общий вид длинного дома. Да, здесь должен быть балкон. На цыпочках Исаак пробрался в ближайшую комнату, потом широкими бесшумными шагами к узкой открытой дверце и в угол небольшого пятка балкона. Он просвечивался дырявыми перильцами, и спасения нигде не предполагалось.

Исаак набрался смелости, посмотрел сквозь них. Внизу рядом с Гефелем разговаривал мужчина из подъезда, а на балкон смотрел Хольт и все также улыбался. Ему как будто не верилось, что его вид может вызвать столько ужаса у маленького еврея, ведь он не хотел даже его преследовать. Хольт даже не двинулся со своего места, а спокойно курил, как ни в чем не бывало. Забавно.

Он поднял одну руку, сложил пальцы в виде пистолета: «Бах!» – выстрелил Исааку в лоб. Жест являлся исполнением обещания, данного офицером две недели назад. По его странной милости он все еще оставался жив. Но это не радовало Исаака, ему вообще ничто сейчас не нравилось.

«Как мне надоели твои игры!»

Осознание того, он выдумал Хольта в дверях подъезда, как и своего отца на рынке, снова вызвало неприятное предчувствие безумия. Мозг Исаака выдумывал то, что больше всего его мучило или пугало в моменты совсем неудачные. Видения ломали реальность и портили Розенфельду жизнь, которую он старался рассчитать до секунды. И здравый рассудок он хотел сохранить больше всего особенно сейчас, находясь в Большом гетто.

Приближалось что-то громоздкое, но легкое. Оно приятно шелестело и волочилось. Обернувшись, он увидел огромный колтун светлого цвета штор, который несла девушка, его ровесница. Она подкинула колтун немного вверх, чтобы не запнуться за кусок, тянувшейся за нею, вздохнула и посмотрела в угол, в который вжимался Исаак. Брамс слышался громче, да и все вокруг точно наполнилось звуком и красками. Страх другого рода.

Девушка не двигалась и молча ждала какой-то развязки, внешне полностью выражая смелость и неприступность. Глаза бегали по лицу Исаака, который не смел пошевелиться: «Тише», – прошептал он едва слышно. Она побелела, почти как шторы, которые несла, и с преодолеваемым ужасом во взгляде закричала: «Мама... Мама!» – потом отступила, уронила шторы. Исаак кинулся следом, поскользнулся на них, запутался и чуть не порвал: «Стой, стой! Пожалуйста, не надо». Девушка закричала сильнее, мелькнув в проеме голубым платьем.

«Боже мой, все пропало», – он в мгновение осмотрел комнату, нашел взглядом кровать и в отчаянии бросился под нее. На всякий случай закрыл глаза, чтобы не видеть, как за ним придут. Сердце бешено колотилось, и бок заболел.

Вот шаги. Раз, два, три – вперед. Раз, два – к кровати. Наклон и шелест. Опрокинулось что-то тяжелое, следом разбросалось. Пять шагов к входу.

«Ворона залетела такая огромная, вот попитр уронила... Нет, не поцарапала. Напугала только, а шторы... Да и шторы в порядке. Нет, нет, сама развешу. Не зови... Папа, наверное, еще разговаривает, не видела. Может, забыл что-то... Прости, что напугала».

Закрылась дверь и стихло.

Он запомнил каждое слово в точности и каждую секунду обдумывал их. Брешь в поведении была найдена, теперь оставалось давить на нее. Исаак открыл глаза и увидел девушку,

сидевшую на полу и напоминающую фарфоровую статуэтку. Из темного в ее лице выделялись зеленые глаза,

слишком румяные щеки и губы, к счастью, не изжеванные и не розовые.

– Ты еврей? – спросила она, как ему показалось, с презрением. – Убирайся живо, пока я не позвала родителей.

– Пылица такая, – буркнул Исаак. – Ты самая неряшливая девчонка из всех, кого я встречал. Но ладно, мне здесь нравится, я буду здесь жить. Исаак, – он протянул из-под кровати руку, которую брезгливо не пожали, – не очень рад знакомству, но, так сказать, вынужден. Мы же теперь должны как-нибудь дружить, – девушка обескуражено смотрела на него. – Ты Урсула, да? – продолжал Исаак. – Урсула... Мне не нравится это имя. Я буду звать тебя Маленькая Медведица.

– А ты Исаак, – издевательски сказала девушка. – Еврейская Ворона. Я буду называть тебя так. Ну а если тебе не нравится, просто скажи: «Урсула, перестань говорить про меня, что я еврейская ворона». И все

Исаак прокрутил в голове сказанное и решил, что с ней ему будет сложно.

Глава 2. Обязанности

Мама Урсулы, дождавшись мужа, пана Каминского, ушла вместе с ним к Багужинским. У них возникли проблемы с гестапо и такие, что оба Каминских не смогли точно ответить дочери, когда вернутся.

– Войтек сказал, что сегодня ночует у Томаша, – сказала пани Каминская задумчиво. – Надо бы это прекратить. Сама никуда не выходи, вечером опять готовится какая-то акция. Будет страшно, пойдешь к Вайсбергам... До встречи, солнышко.

Как только дверь закрылась и замок щелкнул, Урсула стремительно зашла в комнату. Тарелка с оладьями была уже пуста, сок выпит. Исаак стоял около шкафчика с книгой в руках.

«Какие ужасные штаны, – подумала она. – И руки грязнущие!»

– Положи на место и больше ничего не смей трогать на полке, – Урсула отобрала новенького «Робинзона Крузо», поставила обратно и отошла от Исаака.

Тот хмыкнул, по-хозяйски заходил по комнате взад-вперед, осматриваясь:

– А где братец твой? – спросил он.

– Какой братец?

– Ну Войтек. Лет шестнадцати. Носит бежевые башмаки и не любит евреев, а ты не любишь его.

– Ему двенадцать, и он никак не относится к евреям.

Урсула недоверчиво следила за Исааком и злилась: «Сейчас все вши перебегут сюда. Ой, мамочки. А если у него кровь заразная?» Она знала, что в гневе может наговорить много нехорошего, поэтому изо всех сил сдерживала себя. Решив смотреть на самую нераздражающую часть лица Исаака, девушка смотрела то на его лоб, то на шею.

– Он просто так рисует немецкие кресты на своих башмаках, – фыркнул Исаак. – Не смей меня. Я из-за них чуть не убится в вашем проклятом коридоре. Для двенадцати у него слишком здоровенные ноги. Хотя кто бы постарше разукрашивал ботинки... Не продашь? – вдруг загорелся он. – Я деньги потом отдам, честное слово. Свастику сведу керосином... Не защищай его. Ты же его не любишь.

– Почему не люблю, – выдохнув, произнесла она. – Я его по-своему...

Не слушая, Исаак поправил пиджак, оперся на трюмо и посмотрел в зеркало: «Какой же я...» Под носом закоптела кровь, прямо как усы Гитлера, щека с красным пятном. Пыльное, нищенское лицо. Он давно не любил его, а с тридцать девятого искренне ненавидел: «Хоть зубы целы», – он потер губы и повернулся к Урсуле, которая продолжала что-то говорить:

– Не любишь, потому что берет твои книги, а возвращает порванные. Книжные черви часто по такому поводу разводят...

Девушка обижено дернула курносый носом:

– И как ты можешь подтвердить? – она села на край кровати и скрестила руки.

– Все девчачьи книги целые – это твои книги, – Исаак снова подошел к шкафчику и провёл по «Джейн Эйр» ладонью. – Ты чистоплюйка – они все в рядок стоят. А эти, – он погладил тома Дюма, – порванные. Такие, как ты, вряд ли читают о мушкетерах. Значит, читает брат. Не друзья, нет. Корешки оторвал, но ты их не спрятала, хотя место есть, склеила, поставила, значит, тоже были твоими. Все, что убогое, но твое, не раздражает, поэтому они здесь и стоят до сих пор.

– Не бывает мальчишеских и девчачьих книг. Ты не рассуждаешь, а угадываешь.

Исаак недовольно схватил Дефо и с хрустом раскрыл:

– Вот. Даже хрустит – не открывала, а этот еще не добрался, – тут он бросил его, взял «Моби Дика» и «Двадцать тысяч лье под водой», тоже бросил. – Ты не любишь море и хорошие книги. Читаешь до дыр высокопарную ерунду про королей. А эти книги видимо дареные, – он снова любовно взял «Моби Дика». – Никогда не прочитаешь, а выбросить жалко. Для красоты стоят. Я не могу доказать, но я уверен.

– Есть много других важных вещей, – буркнула девушка. «Перестань ты трогать все подряд... Вот, ракушку схватил! Сейчас же почернеет. Какой невоспитанный». Она встала с кровати, подошла к Исааку, но ничего не сделала, только злобно посмотрела. – Думаешь, «Король Лир» ерунда? Ты сам ерунда, понятно? Море не определяет всю суть.

– Да ну? – Исаак поднес бело-розовую раковину к уху и закрыл глаза. – Я вот дождусь сестер и уеду к морю. Там хорошо, тепло, нет гетто. Таких, как ты, тоже нет. Вот тебе и вся суть. Море – это все.

– Слушаешь море? – поспешила вставить Урсула. – А это просто кровь у тебя в голове шумит.

Он еще немного постоял, вздохнул, нехотя открыл глаза и поставил раковину на место:

– Знаешь что, – начал Исаак, но не договорил, услышав невозможное: «Мне жаль».

Голос девушки стал мягче, она виновато смотрела на его губы. У Исаака снова пошла кровь носом, видимо, от волнения. С ним в последнее время часто такое случалось, и ему это очень мешало. Кровь точно индикатор хрупкости, как обморок у средневековых дам. И вот опять. Да и бок как-то тянет.

– Мне жаль давать тебе платок.

«Девчонка-то сволочь, надо сказать».

– Слушай, – Исаак обмакнул кровь кончиками пальцев и, хотя Урсула запрещала, вытер их об полку, оставив развод, – ты думаешь, я тебя просто так называю Медведицей?

– Урсула по-латински значит медведь, – ответила девушка, грустно смотря на полку. – Я знаю, но это не умно, Шерлок Холмс.

– У тебя просто щиколотки толстые, как у медведя.

Урсула снова покраснелась от гнева и сжала губы:

– Надо было скинуть тебя с балкона! – прикрикнула она, но потом успокоилась. – Напомни-ка, почему ты должен жить у меня под кроватью? – ей перехотелось смотреть Исааку в лоб и на шею, стала рассматривать волосы: «У него точно вши. Боже мой. Под кепкой целая стая сидит. Два к одному». – А ну, сними кепку.

– У меня нет вшей, – обиделся Исаак. – Если и схватил что-то, то только под кроватью под твоей. Я, кстати, не собирался там жить.

Урсула поправила ноты на пюпитре:

– Ну, так и выметывайся поскорей.

– Ты совсем не соображаешь что ли? Все, как всегда, объяснять надо, – Исаак снова стал ходить по комнате, шурша ботинками. – Если ты выдашь меня гестапо, то вас они затаскают: «Кто, откуда я?», а я еврей, Маленькая Медведица, и уж скажу, что вы меня специально прятали. И все вопросы сразу отпадают. Не важно, откуда я взялся и что мне надо. Я был в твоей квартире и на этом конец. Помнишь выпуск «Рассвета» от семнадцатого сентября? Казнь за укрывательство или содействие укрывательству евреев. Казнь за несообщение об укрывательстве евреев. Да ты ведь и сама это знала, когда опрокидывала свою подставку, – он внимательно посмотрел на перебирающую ноты Урсалу, которая казалась бесчувственной. – Хотела выпроводить меня мирно, но нет, мне много чего надо от тебя, поэтому я буду здесь, пока сам не решу уйти. Так что подумай сначала, как со мной разговаривать, а то я ведь могу сходить в Терракот, пожаловаться вашим «немчикам». Они без продыху работают. А мне уже все равно.

С мраморной маской безразличия она подошла к нему. Ни один человек не вызывал у Урсулы столько отвращения и неприязни, как этот картавый еврей. Она решила, что для нее он никогда не станет добрым, хотя бы вежливым человеком, что искать в нем хорошее бессмысленно, и что он, вероятнее всего, послан ей в наказание. Но Исаак был прав, она это понимала. Как только неправильно произнеслось слово «укрывательство», ей сразу на ум пришел случай с паном Димитровским, которого расстреляли во дворе дома вместе с еврейской семьей, сидевшей у него в подвале, и соседями, которые «не могли не знать об этом».

– Как вообще на свет могло родиться такое мерзкое и хамоватое существо, как ты, – сказала девушка Исааку прямо в глаза. – Я бы с радостью убила тебя прямо здесь, но мертвый жид вызовет больше проблем, чем живой. Ты самый ничтожный человек из всех, кого я знаю...

– Маму, папу, Войтека, – говорил Исаак неприятным полусшепотом, стянув кепку и прижав ее к груди, – вызовут в гестапо и расстреляют. Не надо меня обижать.

Урсала отвернулась, снова сверкнув платьем и скрестив руки:

– Шантажист и свинья.

– Я могу сказать тебе свои условия, если хочешь, – он произнес это примирительно и, не дожидаясь разрешения, продолжил. – Мне нужно, на самом деле, не очень много.

Обсуждать обоюдные обязанности решили за столом на кухне. Исаак ел конфеты из вазочки, Урсала считала злотые, которые он просил в обмен на молчание. Первая ставка была двадцать злотых в неделю, затем снизилась до пятнадцати, но к которым добавлялось пребывание в квартире на время комендантского часа, который в Большом гетто начинался позже, чем в Малом, еще чуть позже до десяти и окончательно. По словесному договору Исаак получал еду со стола Каминских, проживание с ночи до рассвета и по пять злотых каждые три дня:

– Ты же понимаешь, что документы стоят несколько тысяч? – спрашивал Исаак, жуя яблоко. – После двадцать пятого июня, говорили, подняли. Около четырех теперь стоят, и те с плохой печатью. Квадратная синяя печать, – он задумчиво встал из-за стола, повернул к себе лист с расчетами Урсулы. – Со всей ситуации и тебя я имею... десять злотых ровно, без грошей, но с привилегиями в неделю. Тогда, получается, для того, чтобы купить дешевские документы, я должен как-то прожить с тобой... Черт побери! Четыреста недель!

– Кошмар какой, – Урсала наклонилась и посмотрела на цифры. – Нет, не вздумай. Надо что-то еще придумать, подожди... Но ты же можешь заработать хотя бы еще двадцать злотых. Итого, получается... Считай, считай!

– Сто тридцать три и три... Тут ни тебе, ни мне, а, значит, мне. Тогда сто тридцать четыре. И этого много, – Исаак пожал плечами и сел обратно. – Плати больше, что уж говорить...

– Я не могу платить больше. Сам думай. Торгуйся, воруй. И не вздумай у нас. А для начала вообще выйди отсюда и не убейся. Кстати, – девушка взяла лист, карандаш и начала рисовать схему чего-то, – ты мне будешь нужен для одного дела.

На бумаге схема пресловутого Малого гетто. Исаак (все по тому же договору) обязан был раз в два дня навещать там Тадеуша Мицкевича и передавать собранную Урсалой посылку

с едой. Но для начала необходимо было найти самого Тадеуша в одном из десятков работрядов или хотя бы точное свидетельство о том, что он погиб: «Учти, я узнаю, если ты соврешь или сожрешь хоть что-нибудь». На требование о дополнительной плате за сложность поиска, Урсула отвечала однозначным отказом.

– Ухажер твой?– снова принявшись за яблоко, усмехнулся Исаак. – Или ты его ухажерка? Это важно.

– Ни то, ни другое. Мы выросли вместе, соседи.

Он, перестав жевать, мрачно и внушительно посмотрел в ее глаза. Урсула даже стушевалась, не понимая, что плохого она сказала, раз Исаак вдруг так переменялся:

– Значит, и то, и другое, – сказал он тихо. – Что ж, бойся поклонников.

Шторы все также лежали на балконе. Девушка боролась с ними, пытаясь выправить и повесить, слабо ожидая помощи от Исаака, но тот оставался в комнате и держал одной рукой кусок, волочившийся по полу, чтобы самому не запнуться. Он снова ел и на просьбы девушки прекратить лишь отвечал: «Боюсь цинги». Кусок становился короче, держать его уже не приходилось, и Исаак начал ходить по комнате, точно не в силах ею налюбоваться.

«Простота – хорошая штука».

Обычная квадратная комнатка Урсулы не напоминала такую же в квартире Вацлава. Она не была холодной и «казенной», и, хотя не располагала особым вкусом, имела какое-то чисто девичье очарование. Кровать, заправленная без складочки, с двумя цветными подушками, пахнущими свежим бельем и чем-то сладким. «А под ней пыль, показушница». Книжный шкаф, слишком массивный для общей легкости обстановки, а в углу огромный кукольный дом. Самодельный, четырехэтажный, выполненный аккуратно, но некрасиво, с открывающейся крышей.

«Видимо, сколотил отец. Ты такая меланхоличная, Маленькая Медведица».

Исаак приподнял крышу домика и тут же отпустил, дернув носом от запаха роз, вылетевшего прямо ему в лицо. Разозлившись, он опрокинул с четвертого этажа марионетку, но посмотрев на Урсулу, отчаянно сражающуюся со шторами, поставил на место. Снова вспомнил Вацлава, хотя хотел забыть. Неизвестно зачем накинудись воспоминания о Саре и Норе: «Вот всегда так: вспомнишь одно, за него сразу норовит зацепиться другое. И обязательно добить надо, – Исаак потер нос, но розовый аромат и не думал уходить. – Норочка, Сара... Целую вечность не видел».

Кто-то говорил, что их увезли в трудовой лагерь еще весной. Кто-то, что расстреляли рядом с Холмами. Он не мог знать точно, потому что с самого начала оккупации был в работряде, но верил, что сестер выселили из квартиры и увезли в вагонах для скота именно в лагерь. Про Холмы он подумал, что это было бы нерационально и просто, и больше к вопросу про них не возвращался. «Слухам не верят. Они могут быть все еще дома», – так успокаивал себя Исаак раньше, а сейчас тяжелое чувство в груди спрашивало: «Так почему ты сразу не пошел домой?»

И ему приходилось переставать думать о судьбе сестер совсем, ибо он не хотел их зря хоронить.

Он очень боялся за двойняшку-Нору, ведь никто, кроме нее, не мог так наплеватьски относиться к жизни и ждать конца войны. Это не оптимизм, а неприспособленность. Как будто того, что случилось с мамой, не хватило, чтобы до конца поверить в человеческую жестокость и перестать надеяться на благополучный исход.

Сара другая. Ей двадцать один год, профиль Марлен Дитрих. Она слишком любит себя, и сейчас это очень хорошо. Саркастический, незаурядный ум обязательно найдет применение ее красоте и таланту. Исаак надеялся, что именно самая старшая из оставшихся Розенфельдов спасет самого доброго среди них.

– А можно вынести этот дом к чертям отсюда?

Сумерки наступили на Кенцав неожиданно и тревожно. Прошел с топотом взвод, потом окрикнули кого-то. Улица порозовела, совершенно избавившись от прохожих. Наверху Вайсберги (которые, впрочем, являлись Вайсманами) крутили радио, создавая пародию на домашний уют и спокойствие. Но ни Исаак, ни Урсула не оценили его. Оба устали ругаться и сидели по разным углам комнаты, молча занимаясь каждый своим делом. Девушка, делая вид, что ей крайне неприятно, заканчивала вышивать звезду на новой повязке для Исаака, который сидел и читал, опершись спиной на стенку, а ногами на шкаф, в том месте, где раньше стоял кукольный домик. Он смотрел в книгу, ничего не понимая, и думая только, как поскорее унять противное чувство в груди и в боку.

– Слушай, Ворона, – любуясь почти законченной звездой, вдруг произнесла Урсула, – а что ты будешь делать, когда меня не будет дома? Если я уйду к подругам ночевать или, в конце концов, уеду учиться? Рассчитывай, что сможешь жить здесь лишь до осени. Дальше все.

– Я подумаю. Ну, у тебя же нет подруг? – Исаак поднял глаза на девушку, которая сжала губы и не ответила. – Думаешь, я хочу здесь находиться? – он захлопнул книгу и выбрался из угла. – Ты не самая лучшая соседка, да и в углу у тебя воняет. Я и протяну лишь это лето.

Урсула хмыкнула, перекусила нитку и кинула в него готовой повязкой со Звездой Давида: – Главное, чтоб не подстрелили, верно?

С прежним отвращением Исаак присел и поднял ее, не сводя глаз с девушки, которая «опять что-то строила из себя». Ничего не сказав, он спрятал подарок во внутренний карман пиджака, на что девушка лишь не по-доброму улыбнулась.

Худая и красивая. Такая была Урсула Каминска, а в розовом свете, пропускаемом через шторы, казавшаяся совсем невероятной. Исаак допускал лишь первое, ведь красивой для него она быть ни в коем случае не могла. Тогда он решил: «Худая и слишком много о себе думающая».

Все в ней «слишком». Слишком светлые волосы, слишком светлая кожа, слишком высокомерный взгляд.

Слишком шаткое положение Исаака, слишком тесный угол, где он должен спать.

Слишком много людей, желающих ему смерти. Слишком жестокая война.

К ночи родители не вернулись, но Урсула не боялась за них. Отец, главный инженер Кенцава и невольный разработчик стены гетто, оставался нужным немецкому командованию хотя бы до окончания строительства. А оно постоянно прерывалось – стену то и дело подрывали.

Мама была ни при чем, а Багужинские тем более. Еще родители работали очень тихо и аккуратно, поэтому, как думала девушка, вопрос разрешится положительно. Больше всего она боялась момента, когда ей нужно будет переодеться перед еврейской Вороной, чтобы лечь спать. Урсула не хотела этого делать до последнего, но выхода не было.

Подумала, что дело решает скорость. Развернула Исаака лицом к балкону, отошла и вздохнула. Переступила с ноги на ногу. Неловко цепляясь пальцами, хрустя тканью, пыхтя, расстегнула пуговицы и скрестила руки, чтобы снять платье, и услышала хохот. Смеялся ненавидимый картавый тенор.

«Смотрит!»

– Ты вылетишь отсюда, как пробка, если будешь так делать! – чуть не закричала она. – Иди в угол! И глаза закрой! Ишь, какой!

С закрытыми глазами Исаак наощупь шел вдоль стенки к своему углу и смеялся:

– Ты не такая красотка, чтобы за тобой подсматривать. Ты сама знаешь, ты страшенькая.

С мыслью об уродстве она пролежала несколько часов. Раз за разом проклиная Исаака, Урсула переворачивалась с одного бока на другой, подкладывала под ухо кусок одеяла и заставляла себя не смотреть в угол, но смотрела. Фигура Исаака напоминала черного спрута с протянутыми по полу длинными щупальцами. С леденящей боязнью она отворачивалась, но не могла пролежать спиной к нему долго, не зная и не видя, что он там делает. Всем сердцем ей

хотелось перестать бояться Исаака, но каждый шорох и вздох, доносящийся из угла, вызывал у нее дрожь.

«Не может же быть насквозь гнилым».

– Ты кого-нибудь убил, Ворона? – спросила она тихо-тихо, думая и отчасти надеясь, что Исаак даже не услышит.

Но он ответил твердо, без гордости, наконец, шумно поменяв положение:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.